

Леонид Енгибаров писал:

«Люблю: море, осень... Винсента Ван-Гога. Боюсь: благополучия. Главное для меня в жизни — чувствовать ответственность за все совершающееся вокруг нас».

Эти мысли звучали с манежа, когда он появлялся там, взятый на прицел световыми пушками. Он был клоуном-мимом.

Он не хотел мазать свое лицо одной яркой краской, чтобы оно вызывало только дежурный смех. Его мягкий, лиричный, чуть задумчивый герой и смеялся, и грустил, и страдал. Ничто человеческое не было ему чуждо. Он рассказывал свои поэтические новеллы языком цирковых трюков. Потом Енгибаров ушел на эстраду, создал там спектакли «Причуды клоуна» и «Звездный дождь». Снимался в кино. Мало кому известно, что он был еще и автором рассказов. Когда только он успевал писать? Каждый день — представление, в субботу и воскресенье — два или три. В школьные каникулы вообще ни одного выходного. И написал не так уж мало. При жизни издал одну книгу — «Первый раунд», вышла она в Ереване. Что-то напечатано в журналах, кое-что осталось неизданным: миниатюры, киносценарии, маленькая повесть.

Мы предлагаем читателям одну короткую новеллу Леонида Енгибарова.

наши публикации

Леонид ЕНГИБАРОВ

КОРОЛЬ

Я набрался смелости и пришел еще раз в цирк, чтобы спросить самого Грустного короля, короля клоунов, как он делает, что мы плачем от смеха и улыбаемся сквозь слезы.

Я вошел в цирк, когда он уже исполнял свой лучший номер.

Огромная чаша цирка, на стенках которой, как птицы, расселись зрители, была наполнена смехом. На поверхности под куполом бурлили веселые пузырьки, плавал чей-то розовый бант и белые лепестки цветов.

Мне приходилось видеть и плохих клоунов, тогда смех вытекал с арены по боковым проходам и скапливался в буфете и курительной комнате, а плоские и тяжелые острооты падали на головы зрителей. И особенно доставалось тем, кто забыл дома свои иронические зонтики.

Но сегодня люди с удовольствием топили в бурлящем смехе свои неудачи и печаль, бросая к ногам Грустного короля влажные букеты. Он под-

бирал их, оставлял себе только капли слез, дрожащих на лепестках, счастливых слез от смеха, которые дорожке изумрудов, а цветы он с улыбкой вместе дарил зрителям.

Потом, дома, цветы, которые он подержал у сердца, ставили в вазы и

кувшины, наполняя их его смехом, тоже принесенным из цирка. Правда, все думали, что это обыкновенная вода, но разве мы только в этом ошибаемся?

Когда спектакль кончился, я пришел в гардеробную Грустного короля, короля клоунов. Он снял свою клоунскую маску, которую надевал, чтобы не задохнуться на дне цирка, залитого смехом, и на мой вопрос, как он делает свои смешные и такие грустные номера, сказал: «Я сочиняю сейчас новую смешную сказку, во время которой люди должны будут вспоминать утреннюю свежесть лета и январские хрустящие снежинки, и запахи лесной осени, должны будут увидеть веселую резвость зайца, хитрую грацию рыжей лисы и мудрость маленькой черной лесной змейки, названия которой никто не знает».

Он вздохнул и добавил: «И не спрашивайте меня, пожалуйста, как это делается, потому что вы знаете, как хрупки снежинки, как пугливы заяц и лиса и как быстро может исчезнуть от любопытного глаза черная змейка, и это будет особенно обидно, потому что названия ее никто не знает».

Я вышел из гардеробной на цыпочках и тихо прикрыл дверь.

Публикация Л. БОБАРЫКИНОЙ.

Мирис, 1984, 10-16 апр / 132